

Горизонталь власти. Республиканские традиции Древней Руси

Городские коммуны в Новгороде и Пскове развивались так же, как в Западной Европе

Статья Алексея Вовина продолжает цикл о политических свободах и республиканизме центра Res Publica Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Почему до сих пор важны для нас знания о русских республиках Средневековья? Казалось бы, сломленные Иваном III и Василием III и окончательно отужоженные Иваном Грозным, они не повлияли на ход русской истории. От них, как кажется, ничего не осталось. Потому сознательно возрождать сейчас «новгородские вечевые традиции», как делали иногда в 1990-е в Великом Новгороде при губернаторе Михаиле Прусаке, дело безнадежное, если не смехотворное. Но роль этих республик для современной России в другом.

Многие учебники и массмедиа убеждают россиян в том, что «вертикаль власти» извечно присуща русской традиции управления, чуть ли не с того момента, когда полулегендарный Рюрик вместе со своими совсем уж легендарными братьями впервые поставил ногу на землю где-то в районе современной Старой Ладogi. Однако для Древней Руси горизонтальное измерение в устройстве системы управления было не менее характерно, чем вертикальное. Именно поэтому так важны средневековые Новгород и Псков, которые в схему вертикали власти вписывались совсем плохо, за что и пострадали в 1478 и 1510 годах соответственно.

Была ли демократия в Новгороде и Пскове?

Мы привыкли, что основной интерес в рассуждениях о «вечевых республиках» средневековой Руси сводится к спору о том, была ли там демократия, – эта дискуссия длится с XIX века. С точки зрения

современных историков этот вопрос лишен смысла. Не стоит пытаться вписать Новгород и Псков в прокрустово ложе современных реалий – нужно по возможности стараться описывать историческую эпоху, пользуясь понятиями, взятыми из ее ткани. Термина «демократия» древнерусские источники попросту не знают, и дело здесь отнюдь не просто в словах.

Демократии в современном понимании, очевидно, в Новгороде и Пскове не было, как не было ее в Средние века нигде. Вече собиралось непостоянно, а многие вопросы решали в своем узком кругу представители местной боярской аристократии. Из этой же среды неизменно ставились посадники (одна из высших республиканских должностей) и избирались другие городские должностные лица. Процедура такого поставления туманна: подсчет голосов на вече не производился, да и вообще голосования как такового не было. Дело решалось криком, а иногда и силой, когда в Новгороде по разным берегам Волхова собиралось сразу два веча, встречавшихся на мосту. Порой здесь же на мосту провинившиеся перед Новгородом посадники лишались не только своего поста, но и жизни. Проигравшее меньшинство, а возможно, иногда и большинство (тут у нас попросту нет данных) было вынуждено смириться или умереть: после принятия решения город выступал как единое целое – «весь Новгород» или «весь Псков». Демократии не было, но уровень влияния рядовых членов сообщества на принятие политических решений был, пожалуй, даже выше, чем в наши дни.

Во-первых, в Новгороде и Пскове самость, «вольность» или, в современных терминах, политическая свобода массы простых горожан была значительно шире, чем в Владимиро-Суздальской Руси (а затем в Москве), где установилась личная, фактически неограниченная наследственная княжеская власть. Во-вторых, на берегах Волхова, как и на берегах реки Великой, раньше, чем в Московском государстве, сложилась

своя собственная система писаного права, пришедшего на смену обычаю (а именно связь через писаное право Цицерон считал основным признаком превращения собрания людей в республику). Мы знаем из летописей, что псковское писаное право реально действовало, ему подчинялись посадники и князья (о новгородской Судной грамоте информации меньше). Мы видим пусть и не сформулированный в трактате, но действующий принцип верховенства права.

Эти и другие черты правления в Пскове и Новгороде свидетельствуют об их близости к европейским средневековым городским общинам.

Сравнение с примерами развития таких общин дает нам новую перспективу – позволяет представить «русские республики» не как случайные мутации, мертворожденные побеги на могучем древе российской автократической государственности, а как закономерное явление в русле общеевропейской истории. Явление, которому лишь в силу внешних негативных обстоятельств не суждено было дожить до наших дней. Рассмотрим поближе некоторые ключевые моменты сходства.

Рождение коммуны

С конца XI века в городах Западной Европы, раньше всего в Северной и Центральной Италии, а затем во Фландрии и германских землях происходит подъем городов, развитие самоуправления и формирование городских общин, или по-латыни – коммун. Этот процесс у историков принято называть «коммунальным движением»: термин обозначает развитие, рост и усложнение устройства городских общин-коммун. Власть империи все более слабеет, и горожане, прежде всего в Италии, Фландрии и Германии, стремятся взять всю полноту ответственности за свои судьбы в свои же руки. На площадях перед центральными соборами произносятся коллективные клятвы защищать друг друга перед лицом внешнего врага,

быть едиными перед лицом внешних угроз. Запреты властей не помогали, города и их жители отвоевывали себе все больше и больше прав и свобод.

Схожую ситуацию мы наблюдаем и на Руси в XII–XIII веках, причем не только в Новгороде и Пскове, но также в Киеве и других городах, жители которых становятся активными участниками политических процессов. На фоне нарастающего ослабления центральной власти «кыяне», «смоляне» и другие приглашают и изгоняют князей, собирают ополчения, идут на войну. Полноценной городской коммуны в Древней Руси тогда еще нет, есть только первые признаки ее появления, но зато они наблюдаются повсеместно. Страшный удар по развитию этих протокоммун нанесло, конечно, монгольское вторжение в середине XIII века: после него значительная часть городов лежала в руинах, а жители были убиты или угнаны в рабство. Более развитые формы русского «коммунального движения» приняло только на Северо-Западе, напрямую вторжением не затронутом, то есть в Новгороде и Пскове. Здесь уже появляются и собственное право, и выдвижение или утверждение на вече назначений на основные городские должности, и коллективные клятвы. Ближе к концу существования этих республик у них можно увидеть уже и политическую субъектность, то есть, говоря современным языком, наличие претензий на суверенитет, сначала у «господина Великого Новгорода», а затем и у Пскова.

Роль церкви

Накануне коммунального движения в католической Европе власть в городах в условиях нарастающей политической раздробленности часто принадлежала епископам. То есть помимо чисто религиозной власти они обладали и светской. Однако она была не беспредельной. Традиции церкви вообще были пропитаны духом коллективности, участия, «братского» равноправия. По сути, в Западной Европе именно церковь стала главным наследником почившего античного республиканизма,

своеобразно переработав его. Изначально имеющие исключительно религиозное значение приходские собрания жителей города (то есть прихожан кафедрального собора) со временем превратились в собрания политические, где горожане заключали клятвенный братский союз, ставший основой для городской коммуны. Такие союзы горожан начали бороться и с самими епископами, ограничивая в свою пользу власть последних над городом. А собрания прихожан превратились в городские ассамблеи, ближайший аналог новгородского или псковского веча.

Как и в Новгороде и Пскове XIII–XV веков, в городах католической Европы XI–XII веков не было никакого голосования или других совершенных политических практик: решения принимались криком, а порой большинство прибегало и к силе. Права меньшинства не соблюдались: принятое решение было единым в том смысле, что все должны были ему подчиняться. Здесь, как и посадников на вече, утверждали первых магистратов – например, консулов и скабинов (так назывались должностные лица в западноевропейских городах). Слово «консул», несмотря на свое античное происхождение, не должно вводить в заблуждение: эти средневековые консулы не имели ничего общего с консулами Римской республики. Общим было лишь слово, донесенное через века в терминологии церкви, что показал Пьер Мишо-Куантен: вся терминология коммунального движения была заимствована из словаря церкви. Римское право и традиции самоуправления римского города почтили вместе с империей.

Фото: herodote.net

Аналогичным образом и на Руси – особенно это хорошо видно на примере Пскова, как писал Александр Мусин, – вече было тесно связано с приходской организацией горожан. В Пскове они и собирались на площади перед главным собором города – церковью Святой Троицы. Да, терминологически такого влияния, как в Западной Европе, церковь на Руси на вечевые традиции не оказала, но вектор развития был тот же. Например, причину отделения полноправных горожан от остального населения республик (от не участвующих в вече жителей «пригородов», то есть поселений, находящихся так далеко от главного города, как Двина или Кижы от Новгорода) мы находим в том, что первые были прихожанами главного собора, вторые – нет. Так же как и в европейских коммунах, жители Новгорода и Пскова обращались друг к другу «братие»,

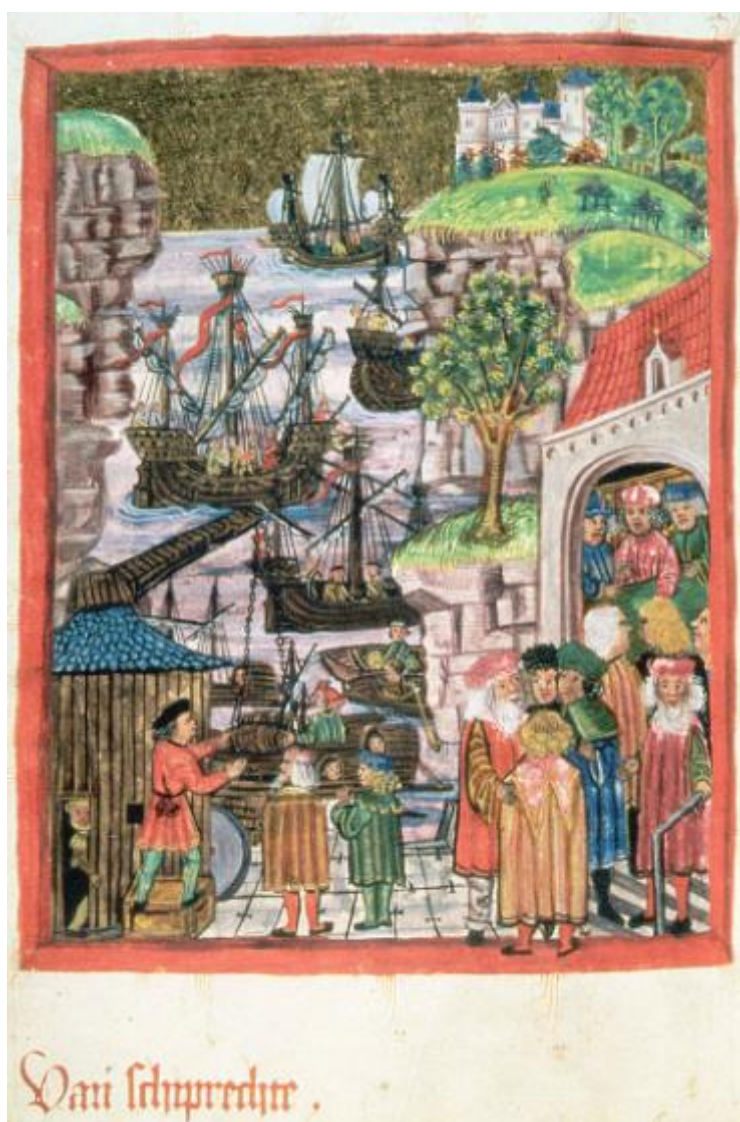
что тоже, несомненно, отсылка к христианской традиции. С учетом этого становится понятно, почему «коммунальное движение» на Руси началось с опозданием на два-три века (в XIII–XIV вместо XI–XII веков). Для него требовалась устойчивая христианская традиция, у которой в первые столетия нового тысячелетия на Руси еще просто не могло быть корней. Таким образом, средневековые городские сообщества были тесно связаны своим происхождением с христианством. Соборы и вече горожан выросли из приходских собраний, а идея братского единения их участников, их символическое равенство между собой лежит корнями в «братстве во Христе». Эта идея братства – ключевая как для католичества, так и для православия, различия между которыми вообще не стоит переоценивать для раннего Средневековья.

Дальняя торговля

Однако христианство не было единственным двигателем коммунального движения на Руси и в Западной Европе. Экономические предпосылки для развития раннего или стихийного республиканизма тоже сложились схожим образом с разницей в пару столетий. В XI веке на Средиземном море пришла к концу военная гегемония арабов, потому что флоты итальянских городов, прежде всего Пизы и Генуи, стали успешно противостоять им. Это дало мощный толчок развитию дальней торговли с Востоком. Севернее, во Фландрии, тоже разворачивалась сухопутная и морская торговля на большие расстояния – благодаря концу эпохи викингов. Ее центрами стали города, а основными действующими лицами новых городских общин-коммун – купцы.

Аналогичная ситуация сложилась в Новгороде и Пскове с появлением в XIII веке на территории современных Латвии и Эстонии Ливонской конфедерации, чьи города были членами крупнейшего в Северной Европе торгового союза – Ганзы. Новгород, а затем и Псков становятся крупнейшими торговыми партнерами Ганзы, именно через них идет

основной товарооборот между Русью и католической Европой. На дрожжах этой торговли Новгород и Псков богатеют, растут, увеличивается социальная рознь между богатыми и бедными, то есть происходят ровно те же процессы, которые наблюдаются и в ранних городских коммунах Западной Европы.

Миниатюра шмуктитула Гамбургского права 1475 года. Иллюстрация: wikipedia.org

Право и хроники

Другое принципиальное сходство, которое уже упоминалось, – это кодификация права. Марксисты сказали бы, что свобода торговли потребовала тогда понятных и прозрачных гарантий. Поэтому бытовавшее

до этого в устной форме обычное право записывается. Но не систематизируется до конца: правовые сборники того времени зачастую весьма пестры и с современной точки зрения бессистемны и нелогичны. Именно таковы псковская и новгородская Судные грамоты (от последней, впрочем, сохранился лишь небольшой отрывок): в них перемешано то, что мы бы сегодня назвали уголовным, административным, гражданским, семейным, трудовым и другими видами права. Здесь же записаны отдельные элементы условно «конституционного устройства», например важнейшая статья о подотчетности псковских посадников вечу.

Интересны, однако, и отличия. В Западной Европе рост городских коммун привел не только к кодификации обычного права, но и к внимательному изучению гораздо более совершенного и продуманного римского права. Это на следующем этапе развития городов привело к совершенствованию системы политических институтов, в частности к появлению голосования и первичных представительных институтов – городских ратов или советов, сменивших более громоздкие городские ассамблеи – то есть сборища всех (полноправных) желающих прийти на такое собрание. В Новгороде и Пскове этого не случилось; наверное, сыграло свою роль отсутствие латинского языка как основного языка письменности. Римскому праву не нашлось места в древнерусской традиции. В этом тем не менее не было трагедии. Такая связь языка и права хорошо видна и на примере Британских островов. Хотя латинский язык и вернулся в Британию с христианизацией Кента, он так и не стал единственным языком письменности и испытывал сильную конкуренцию со стороны древнеанглийского языка. Итог известен: отсутствие значимой рецепции римского права и формирование самобытной правовой системы. Точно так же и на Руси мы обнаруживаем собственную, не подвергшуюся влиянию римского права традицию, из которой, как и в Англии, выросли средневековые коммуны.

Еще одной важной особенностью развития ранней городской коммуны стал растущий местный патриотизм, выразившийся прежде всего в создании местной традиции историописания, прославлявшей собственный город и уничижительно отзывавшейся о многочисленных коварных врагах. И здесь новгородская и псковская летописные традиции не стоят в стороне от западноевропейских. Зачастую совпадают даже детали. Автор этих строк, сравнивая псковские летописи за XIV век и пизанские анналы за XII век, показал сходство между ними, которое не может быть объяснено никакими заимствованиями. Совпадают (с учетом языковой разницы, разумеется) формулировки, контексты, сам характер известий. Если перевести псковские летописи на латынь, то для неспециалиста они будут неотличимы от западноевропейских городских хроник (подробному сравнению социально-политического устройства в Пскове XIV–XV веков и в итальянских коммунах XI–XII веков посвящена моя книга «Городская коммуна средневекового Пскова», которая готовится к изданию в 2018 году).

Итак, и на западе, и на востоке Европы пути развития города были схожими вследствие близости условий: ослабевшей центральной власти, развития торговли и, наконец, «братско-горизонтального» измерения в жизни христианских общин. В этих условиях и городские сообщества развивались схожим образом. Конечно, родившийся на русской почве вариант городской коммуны в силу ряда как внутренних, так и внешних причин не получил дальнейшего развития. Но подобные горизонтальные политические сообщества появлялись в допетровской Руси и позже, пусть, может, и не в такой яркой, как у Новгорода и Пскова, форме. Стоит вспомнить и самоорганизацию русских городов во время Смуты, и общежитийный быт старообрядцев, и даже запорожскую вольницу. Там, куда не дотягивалась тяжелая рука властной вертикали, возникали знакомые формы стихийного республиканизма.

В этом смысле на русской почве Новгород и Псков как коммуны были лишь наиболее продвинутыми вперед сгустками республиканского опыта, далекими от современных представлений о либеральной демократии, но вполне вписывающимися в то, что один из отцов современного либерализма Бенжамен Констан называл «свободой древних», то есть свободы не индивида, но сообщества, которому он принадлежал и в жизни которого он принимал активное участие. Либералы всегда утверждали, что свободы отдельного гражданина не защищаются в таком сообществе надежно. Но это проблема защиты отдельного гражданина не от произвола монарха, а от горизонтального давления братии, веча или происков влиятельной боярской семьи. В любом случае Россия была всегда способна на создание сообществ республикански-горизонтального плана. А мысль об обязательной для России «сильной руке» есть не что иное, как фикция, исправно воспроизводимая почти непрерывной за последние двести лет чередой авторитарных правителей.

Предыдущие статьи цикла

Свобода не там. Есть ли у России республиканское будущее?

Нетайное общество. История заговора декабристов придумана следователями

Жребий вместо выборов. Есть ли альтернатива представительной демократии?

Дела большие и малые. Как начать думать о своем городе

Алексей Вовин

Историк, научный сотрудник центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге